

Женское побоище

— Ах, так это ты, непутёвая коза? Это тебя удалось найти этому жареному козлу? Что он тебе обещал? Сделать тебя мне заменой? И ты пришла в надежде, что он уже разделался со мной?

— Понимай как хочешь, переубеждать не буду.

— Теперь нам делить некого. Бросай своё оружие и угодься. Такой царский ужин теперь будет нескоро.

— И то верно. Одной всю тушу тебе не осилить. Чем добру пропадать, лучше подкармливать следующую жертву. Нескоро, говоришь? Летом грозы нередки, так что ждать недолго.

Лейла медленно приближалась к противнице. Виолетта отметила воинственный настрой незваной гостьи, но не сомневалась, что легко и быстро расправится с пришедшей, которая на полголовы ниже её самой.

— Решила пожить до следующей грозы? Поживёшь, я тебе это устрою. Сейчас убивать не буду, только покалечу для собственной безопасности.

Коптящая палка оказалась в обеих руках. Лейла своё оружие тоже ухватила двумя руками.

«Её дубине можно противопоставить только собственную дубину. Если палку просто подставлять, то людоедка выбьет её одним ударом. Только встречное движение сможет остановить оружие врага, спасти от удара», — молниеносно сообразила незваная гостья.

Обе женщины продолжали напряжённую «беседу». Отступать никто не собирался. Одной из них хотелось поскорее, как от назойливой мухи, избавиться от неприятельницы и

продолжить прерванную трапезу. Другую подталкивала жажда мести. Виолетта в три прыжка оказалась рядом с противницей, готовая нанести удар. Палки встретились, рассыпая искрящиеся снопы. Искры щипнули, оказавшись на открытых местах мокрых тел, но мстительница не обращала внимания на такие мелочи. Она отражала удар за ударом. Недавний размеренный обмен фразами перерос в рёв и ор. Женщины будто обезумели.

Словно в дикарской ритуальной пляске, они прыгали, пытаясь занять более выгодную для удара позицию. Их оружие, удерживаемое двумя руками, скрещивалось уже дюжину раз. Казалось, что это были не палки, а мечи в руках средневековых рыцарей, сошедшихся на дуэли за внимание дамы сердца. Каждый раз Лейле удавалось отразить удар, не допустить даже касания тела увесистой дубиной, которая то разгоралась, рассыпая искры, то угасала, дымом выедавая глаза.

О случай... Оружие Лейлы не выдержало и разломилось. В руках остался полуметровый обломок, которым посчастливилось отвести от тела движение горящего дына. Оставшись с коротышкой, Лейла не смогла бы сражаться на равных. И защищаться теперь стало бы труднее. Более увесистая дубина противницы обрушивалась бы почти беспрепятственно. Не осознавая этого, мстительница не стала ждать замах противницы, а сама нанесла удар.

Тяжёлое оружие не успело для отражения. Удар пришёлся по челюсти Виолетты. Но её палица обрушилась на череп противницы. Удар позади уха прошёлся вскользь, оказался не смертельным. По инерции дубина обрушилась на левое плечо. Руку словно парализовало. Боль, более сильная, чем от удара по голове, сковала руку, но не её хозяйку.

Лейла рассталась с обломком и неповреждённой рукой ухватила противницу за разметавшиеся волосы, стала изо всех сил склонять людоедку всё ниже и ниже. Оставив палку, Виолетта пыталась дотянуться до волос менее рослой и более слабой противницы. Будто специально подготовившись к сражению, та оказалась с короткой стрижкой, до которой дотянуться никак не удавалось. Склонив противницу, переполненная местью и злобой женщина ударила в лицо коленом так, что почувствовала собственную боль. На какое-то мгновение кудлатая противница перестала тянуться к волосам, потеряла силы к продолжению сражения. Того мгновения хватило, чтобы, отпустив волосы, поднять свой обломок и со всего плеча ударить по основанию черепа и шее, находящейся не выше пояса.

Виолетта упала на колени и оперлась на вытянутые руки. Повёрнутое к противнице лицо и глаза на нём излучали злобу и ненависть, но не просьбу о сострадании. Но если бы Лейла и почудился признак смирения, она вряд ли проявила бы жалость к этой хищнице.

— Вот тебе за Кима! А это тебе за меня! За Кима, за Кима, за Кима,— твердила Лейла, нанося по голове удар за ударом уже недвижимо лежащей противнице.

Она ещё не знала, жива ли Виолетта, но, видя её недвижимой, расслабилась, легла рядом. Усталость переполняла всё тело, даже глазам не хотелось видеть мир, в котором есть эта ненавистная людоедка. Отдышавшись, коснулась руки врага и не почувствовала реакции на прикосновение. Осторожно положила палец на запястье. С каннибалами, расправившимися с Кимом, было покончено.

«Они звери, но и трупы зверей люди не оставляют непогребёнными. Надо похоронить их».

Перенести мертвецов туда, где есть мягкий грунт, она не смогла бы даже со здоровыми руками. На пологом галечном склоне здоровой рукой вырыла углубление. Голова в месте удара болела всё невыносимее. Несколько раз, чтобы остановить карусель перед глазами, пришлось минутами отлёживаться с закрытыми глазами. Головокружения участились, а к горлу стала подступать еле сдерживаемая тошнота.

Место подготовлено. Приволокла и уложила убийцу, а рядом — её жертву. Часть тела Лиса обуглилась, но Лейла сдерживала тошноту до появления оголившейся голенной кости — сварившиеся мышечные ткани отстали. Женщина потеряла сознание.

Очнулась с невыносимо сильной головной болью. Боль обвисшей руки не шла в сравнение. Уложив Лиса, прикрыла лица покойных ветвями куста, за которым скрывалась до поединка. Накрыв трупы тонким слоем камней, снова потеряла сознание.

Сумеречная прохлада подействовала освежающе. Придя в чувство, победительница закончила выполнение христианского и человеческого долга. Холмик заметно возвышался от пояса и над ногами. Теперь наконец-то можно было перевести дух. Идти куда-то от места побоища сил не нашлось. Уснула или снова потеряла сознание, она не знала, но всем телом ощущала прохладу ночного галечника. Она не ощутила прекращения дождя, когда время перевалило за полночь, не увидела восхода Короны.

Следователь и добровольные помощники на вертолёте облетали остров, пытаясь обнаружить жилище людоедов. Совет вынес решение устроить вблизи жилища засаду, задержать каннибалов и предать их суровому суду. Сожалели, что не удалось сделать это до грозы. Были опасения, что последняя ссыльная во время грозы могла оказаться очередной жертвой людоедов. С высоты полёта увидели лежащего около воды человека, но близко посадить вертолёт удалось только на прибрежном мелководье.

Человек не подавал признаков жизни ни при подлёте, ни при посадке, ни при приближении возбуждённой толпы.

— Она жива, но без сознания. Быстро дайте аптечку, — потребовал Макс.

Предусмотрительно взятая из кабины вертолёта пилотом Джорджем, она пригодилась. Введённый в вену препарат вернул женщину в чувство.

— Они сожрали Кима и того третьего, который был с ними. Виолетта поджарила в костре и объедала Лиса.

— Его звали Льюисом, — поправил участковый.

Не обращая внимания на уточнение, женщина сообщила, что похоронила обоих, но неглубоко.

— Заткнуть обоих в землянку и обвалить её я бы не смогла. У меня сломалась палка, но я отомстила ей за Кима. О, как болит голова. Рука тоже...

Женщина не досказала — потеряла сознание, когда её подняли, чтобы перенести в вертолёт, но при этом не поддерживали обвисшую руку. Только теперь Макс увидел жилище, укрытое береговым откосом.

— Долго бы пришлось летать, чтобы обнаружить это звериное логово. Обследованием и перезахоронением займёмся потом — сейчас надо срочно доставить раненую к докторам.

В полёте Лейла бредила. Нарушая последовательность, она выкрикивала то, что вырывалось из её уст во время сражения. То, что это не было просто поединком двух женщин, сомнений ни у кого не было. Вдруг выкрики стали глуше и тише, а вскоре и вовсе прекратились. Последнюю фразу: «Я отомстила за тебя, Ким», — она произнесла еле слышно. Макс коснулся кисти, пульс прекратился.

— Душа рассталась с телом, — сообщил он. — Если бы мы догадались взять в рейс кого-нибудь из докторов, наверное, её можно было бы довести и спасти.